

[Илья Муромец и Батый Батыевич]

Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Таракáшком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей.
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Сопущал собака якори булатные,
Выпущал шеймы шелкóвыя,
Выметывал сходенки дубовыя,
Выходил на крут-красён бережок,
Раздернул бел-полóтняный шатер,
Поставил в шатер дубовый стол,
Писал ярлыки скорописчаты,
Скрычал зычным голосом богáтырским,

Созывал своих мурзóв-бурзóв, татаровей:
— Кто умеет говорить русским язы́ком, человеческим?
Кто бы съездил ко тому городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчатый?

Поголовно молчат бурзы́-мурзы́, татаровя.

Закрычал он по второй након:
— Ой вы гой еси, мурзы́-бурзы́, татаровя!
Кто умеет говорить русским язы́ком, человеческим?
Кто бы съездил ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчатый?

Тут выскочил бурза-мурза, татарович:
Стар, горбат, на перед покляп,

Синь кафтан, голубой карман,
Говорил сам таково слово:
— Уж ты гой еси, Батый-царь, сын Батыевич!
Умею я говорить русским языком, человеческим,
Отвезу ему посольный лист, ярлык скорописчатый.
— Поезжай ты, бурза-мурза, татарович,
Поезжай не путем, не дорогою,
Через леса дремучие,
Через лузья дыбучие,
Поезжай ты ко Киеву,
Перескочи через стену городовую,
Через ту башню наугольную,
Брось своего коня середь двора
Не привязана, не приказана,
Иди во гридни княженецкия,
Двери грудью на пята бери,
Положь ярлык на дубов стол,
Оборотясь, приступи крепко, вон поди,
Приступи, чтоб спели светлые оконницы!

Видели, как молодец коня седлал,
Двенадцать подпруг со подпругою натягал,
Не для басоты молодецкия, а для крепости богатырския.
Никто не видел поездочки богатырския;
Конь горы и доли промеж ноги брал,
А маленькие речки хвостом устилал.
Приехал ко городу ко Киеву,
Перескочил через стену городовую,
Через те башни наугольныя.

.....
Положил ярлык на дубов стол,
Оборотясь, приступил толь крепко, сам вон пошел.
Тут Владимир стольный киевский
Со своей женой Апраксией
Крычат сильных могучих богатырей:
— Уж вы гой есте, Добрыня Никитич и Алеша Попович млад!
Вы примайте ярлыки, распечатывайте,
Поскорее того прочитывайте,
Не утайте вы слова единого!

Говорили Добрыня Никитич с Алешей Поповичем:

— Ярлык, князь батюшко, не радостный:
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Таракашком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Просит Батый у нас трех сильных, могучих богатырей:
Богатыря — старого казака Илейку Муромца,
Другого богатыря — Добрыню Никитича,
Третьего богатыря — Алешу Поповича.
Похваляется: «Дашь — не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плáвь реки,
Добрых мóлодцев полоню станицами,
Красный девушек плени́цами,
Добры́х коней табу́нами».

Надевал Владимир платье черное,
Черное платье, печальное,
Походил ко божьей церкви богу молиться;
В стрету идет нищая калика перехожая:
— Уж ты здравствуй, Владимир стольный киевский!
Ты зачем надел черное платье, печальное?
Что у вас во Киеве учинилось?
— Молчи, нищая калика перехожая,
Нехорошо у нас во Киеве учинилось:
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Таракашком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.

Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Просит Батый у нас трех сильных, могучих богатырей;
Богатыря — старого казака Илейку Муромца,
Другого богатыря — Добрыню Никитича,
Третьего богатыря — Алешу Поповича.
Похваляется: «Дашь — не дашь, за боём возьму.
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плáвь реки,
Добрых мóлодцев полоню станицами,
Красных девушек плени́цами,
Добры́х коней табу́нами».

— Не зови меня нищей каликой перехожею,
Назови меня старым казаком Ильей Муромцем.

Бил челом Владимир до сырой земли:

— Уж ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!

Постарайся за веру христианскую

Не для меня, князя Владимира,

Не для-ради княгини Апраксии,

Не для церквей и мона́стырей,

А для бедных вдов и малых детей!

Говорит стар казак Илья Муромец:

— Уж давно нам от Киева отказано,

Отказано от Киева двенадцать лет.

— Не для меня ради, князя Владимира,

Не для-ради княгини Апра́ксии,

А для бедных вдов и малых детей!

Проводил Владимир Илейка во гридни княженецкия,

Посылал его ко царю Батыю, сыну Батыевичу,

Брал Илейко с собою Алешу Поповича и Добрынюшку,

Брали они много злата-серебра,

Поезжали ко Батыю с подарками.

Увидали их бурзы́-мурзы́, татаровя,
Говорили сами таковы речи:
— Едет Владимир стольный киевский,
Везет нам Илейку во подарочки!

Подъезжает Владимир стольный киевский
Со старым казаком Ильей Муромцем
Ко Батыю-царю, сыну Батыевичу.
Подают ему они подарочки,
Сами просят сроку на три года,
На три года, на три месяца.
Дает Батый сроку только на три дня.
Наливает чару зеленá вина,
Не велику чару — в полтора ведра,
Подавал чару князю Владимиру:
Принимал Владимир чашу в обе-ручь,
Прикушал из чаши с пивной стакан;
Подает чару Илье Муромцу:
Принимает он чару единой рукой,
Выпивает он чару на единой дух;
Расходились плечи могучия,
Раскипелось сердце богатырское:
— Ты прощай, Батый-царь Батыевич!

Отправлялися в путь-дороженьку
К своему ко граду стольну Киеву.
Говорил казак Илейко Муромец:
— Запирай, князь, ворота крепко-накрепко,
Засыпай их желтым песком, серым камешком;
Я поеду, добрый молодец, на Почай-реку,
Я поеду созывать сильных богатырей.

Приезжал он на Почай-реку,
На Почай-реке богатырей не наехал:
Поезжал Илейко на Дунай-реку,
Тут богатыри сидят во белом шатре:
— Поедемте, братцы, отстаивать Киев-град
Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апра́ксии,
А для бедных вдов и малых детей!

Добры молодцы собиралися,
Садилися по своим добрым коням,

Поезжали братаны за Дунай-реку.
Подъезжают братаны ко Дунай-реке:
Первый скочил племянник Самсон Колыванович,
Скочивши погряз посередь реки.
Расскочился дядюшка Самсона Колывановича,
Вытянул племянника и с лошадью.
Все богатыри переехали.
Подъезжали ко граду стольну Киеву,
Метали жеребей промеж себя:
Кому из них ехать в руку правую,
Кому из них ехать в руку левую,
Кого поставить в середку силы, в мáтицу,
Доставалася Самсону рука правая,
Никите с Алешей рука левая,
Илейке дставалась середка силы, мáтица.

Бьются-рубятся двенадцать дней,
Не пиваючи, не едаючи,
Добрым коням вздоха не даваючи,
Поехали добры молодцы опочív держать;
Не поехал Илейко опочív держать.
Прогóворил его добрый конь по-человечьему:
— Уж ты, стар казак Илья Муромец!
Есть у татар в поле накопаны рвы глубокия,
Понатыканы в них копыя мурзамецкия,
Копыя мурзамецкия, сабли вострыя;
Из первого подкопа я вылечу,
Из другого подкопа я выскочу,
А в третьем останемся ты и я!

Бил Илья коня по крутым ребрам:
— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты не хочешь служить за веру христианскую!

Пала лошадь во третей подкоп,
Остался Илейко во пóдкопе.
Набежали злые татаровья,
Оковали Илеюшку железами,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорил ему Батый-царь, сын Батыевич:
— Уж ты гой еси, стар казак Илья Муромец!

Послужи мне-ка так же, как Владимиру,
Верю неизменною ровно три годá!

Отвечал стар казак Илья Муромец:

— Нет у меня с собой сабли вострыя,

Нет у меня копья мурзамецкого,

Нет у меня палицы боёвыя:

Послужил бы я по твоей по шее по татарския!

Говорил Батый-царь, сын Батыевич:

— Ой вы, слуги мои верные!

Вы ведите Илейку на широкий луг,

Вы стреляйте стрелами калеными!

То Илеюшке не поглянулося,

Говорил он таково слово:

— Ой ты гой еси, Батый-царь, сын Батыевич!

Ты так казни, как на Руси казнят богáтырей.

У нас выведут на поле на Кули́ково,

Положат голову на плашку на липову,

По плеч отсекут буйну голову:

Не толь старику будет смерть страшна!

То Батыю слово показалось:

— Выводите его на поле Кули́ково,

Положите голову на плаху на липову,

По плеч срубите буйну голову!

Возмолится стар казак Илья Муромец

Тому угоднику божьему Николаю:

— Погибаю я за веру христианскую!

У Илейки силы вдвое прибыло;

Рвал он оковы железныя,

Хватал он поганого татарина,

Который покрепче, который на жиле не рвется,

Взял татарин помахивать:

В которую сторону махнет — улица.

Подбегает к Илеюшке добрый конь,

Садился он на добра коня,

Бил татар чуть не до единого.

Убирался Батый-царь с большими убытками,

С большими убытками, с малыми прибытками,

С малыми прибытками, со страмотою вечною,

На мелких судах, на пáвозках.

(Записано 5 января 1849 года в Архангельском уезде.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. VI, 1864.